
К ИСТОРИИ ЛАМАИЗМА И АЛАРСКОГО ДАЦАНА В ИРКУТСКОЙ ГУБЕРНИИ

*Анатолий Иванович Шинковой,
кандидат исторических наук,
главный специалист-историк
Архитектурно-этнографического
музея «Тальцы», г. Иркутск*

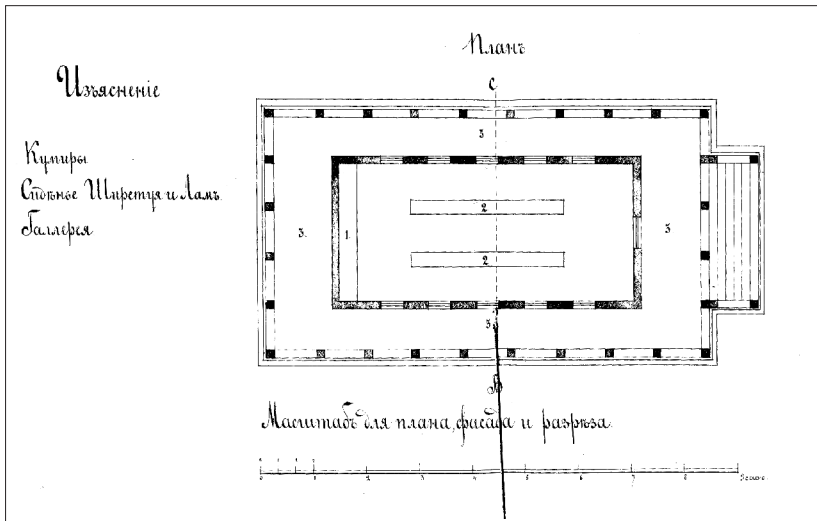
За последние четыре столетия на формирование духовной культуры бурятского народа оказали сильное влияние две противоборствующие конфессии: ламаизм и христианство. С середины XVII века священники соперничающих миссий стали интенсивно воздействовать на бурятских единоверцев. Те, будучи шаманистами, оказались под неустанным двойным нажимом миссионеров, обладавших стройными религиозными учениями, признанными на государственном уровне (1). По существу, шаманствующим бурятам нечего было противопоставить пришлым религиозным учениям, кроме древнейших универсальных традиций. В этой связи буряты вынужденно потянулись к новым для себя чудодейственным ликам и образам, отлаженной методике священных знаков и символов. История засвидетельствовала массовое метание в рядах родоплеменного сообщества, когда нужно было сделать выбор в сторону то русской православной, то тибето-монгольской ламаистской церкви. Нередко неосознанное принятие незнакомого вероучения вело к массовому оттоку от него назад к первобытному анимизму. Случались казусные ситуации, такие как неоднократные перемещение одних и тех же бурят от шаманства к христианству и наоборот. Если сопоставить в этом плане бурят с якутами, то можно увидеть, что преобладающая часть аборигенного населения Саха (Якутии) приняла православие. Правда, там сохранилось шаманство и туда, к северу от Байкала, не был допущен ламаизм.

С принятием бурятскими шаманистами ламаизма и христианства у них не стало единой веры, единых обычаев, напротив, произошло духовное разобщение и даже территориальное этническое разграничение. Распад некогда общих религиозных традиций на разные составляющие породил духовный раскол бурят на всем их этнокультурном пространстве. Последствия такого духовного раскола или искусственного разделения всего бурятского

этнoса по религиозным и территориальным признакам особенно заметны ныне. Впрочем, последнее уже во власти политиков, а не религиозного мессианства. Наблюдаемые сегодня регулярно проводимые массовые праздничные мероприятия бурят есть не что иное, как попытка духовного возрождения всего этноса.

С одной стороны, посредством обращения к желтой вере буряты в мировоззренческом отношении соединились с буддийским миром Азии. С другой стороны, православная Россия дала им возможность интеграции с русской культурой.

Следует отметить, что процесс вытеснения шаманства ламаизмом и христианством был длительным и не доведенным до конца. Успешнее ламаизм насаждался в Хоринском, Нерчинском, Селенгинском ведомствах. В Тункинском и Баргузинском ведомствах он стал распространяться лишь с наступлением XIX века. Не менее двух веков не прекращались страсти по выстраиванию иерархической структуры ламаистской власти в Забайкалье. В утверждении права управлять дацанами помимо лам были заинтересованы главы родоплеменных и территориальных групп, в чьих владениях размещались культовые центры. Споры и разногласия улеглись к середине XIX века при вынужденном участии в них государственных губернских чиновников. В начале же XIX века ламы стали распространять свою веру в Прибайкалье среди западных бурят. Однако здесь они натолкнулись на ощутимое сопротивление шаманистов, да и православная церковь всячески

План здания Аларского дацана, 1890 г.

препятствовала активизации лам в этом крае. Хотя ламаизм официально был разрешен, все же он оставался под постоянным контролем гражданской власти, призванной совместно с христианской церковью беречь и укреплять главную религию Российской империи — православие. Для этой сначала на законодательном уровне было разработано специальное «Положение о ламайском духовенстве в Восточной Сибири» 1853 года, давшее право ограничивать распространение буддизма в сибирском крае, а затем, десятилетиями позже, вышла «Временная инструкция об управлении делами ламайского духовенства в Иркутской области», высочайше утвержденная в 1889 году и вступившая в силу в 1890 году. Она еще более подчиняла губернатору деятельность лам в Прибайкалье. Но все же эти ограничения не были безысходными, особенно если сопоставить их с богоборческими порядками советского периода, сопровождавшимися разрушением храмов и религиозными гонениями. Поэтому допустимо думать, что принятые к исполнению документы были вполне либеральными. Иначе к концу существования Российской империи число бурятских буддийских центров вряд ли возросло бы до 47, а количество штатных и нештатных ламских монахов, состоявших при них, не исчислялось бы тысячами.

В дореволюционной России буддийские дацаны были не только центрами духовной культуры бурят, официально проводивших тайлганы, цамхоралы и прочие религиозные культы, часто традиционно переходившие в массовые гулянья. При дацанах также имелись школы, где обучали грамоте, языкам, учили ремеслам и книгопечатанию. Все изменилось в XX столетии, когда редко какому дацану суждено было уцелеть. Суровая участь постигла и ближайший к Иркутску Аларский дацан. Его история началась вскоре после 1809 года, когда ламаизм стал распространяться в Аларском ведомстве (2).

Аларский дацан находился в Хигинском улусе Балаганского уезда Иркутской губернии. Его построили в 1811–1812 годы. При дацане числились два сумэ: бурхана Аюши в основании 7 x 7 аршин (1 аршин равен 71,12 см), высотой 5 аршин и другое — меньшего размера — Цаган-Эбугэна. Первое сумэ было деревянным, второе — первоначально возвели из кирпича. Казалось бы, что второе культовое здание, из более прочного материала, могло стоять и служить верующим по назначению долго. Однако уже к 1884 году оно пришло в полное разрушение, и, по непригодности в нем вести службу, его покинули. Вскоре об этом сумэ стали забывать. С годами уже не каждый буддист мог указать его месторасположение, хотя оно находилось всего в полутора верстах от самого дацана. Когда в 1890 году ламаисты решили восстановить

сумэ Цаган-Эбугэна, то его местонахождение пришлось определять по остаткам фундамента размером 4 x 4 аршина да по описаниям старожилов.

Непростая ситуация наблюдалась с Аларским дацаном, когда возникла необходимость его ремонта. Впервые он ремонтировался в 1866 году. Но к 1890 году деревянный дацан сильно обветшал. Его решено было вновь реставрировать. Однако при обследовании здания выяснилось, что проще возвести его заново и заодно восстановить сумэ Цаган-Эбугэна. Исходя из общей расчетной стоимости в 2 571 рубль 50 копеек строить дацан нужно было в деревянном исполнении. Необходимые средства вызвался найти местный ширетуй. По его призыву бурятское общество Балаганского уезда собрало нужную сумму на проектирование и строительство нового дацана. Тогда еще вездесущие «наблюдатели» заметили, что деньги давали не только ламаисты, но и крещеные буряты, чему сильно противились священники православной церкви. Особенно возражал по этому поводу архиепископ Вениамин (в миру В.А. Благодрагов, 1825–1892 гг.), активно занимавшийся миссионерской деятельностью среди бурят. По замыслу проектировщиков, Аларский дацан должен был сохранять размеры старого здания, за исключением фасада, где планировалась галерея. Также для прочности храма проект предусматривал каменный фундамент, чего не было прежде. Все хлопоты по восстановлению дацана взял на себя ширетуй Сырен Дамба Ишегенов (в документах ГАИО встречается разное написание его фамилии — Ишигилов, Ишигенов. — *А. Ш.*). Весной 1892 года началось строительство. В следующем году здание было готово. К этому времени умер ширетуй Ишегенов. Его должность оставалась несколько месяцев вакантной по причине неимения в данном дацане ламы-гулуна, способного возглавить его. Но к концу строительства дацана во главе его стал ширетуй Убашей Дымшеев (3).

Тогда же ламы хотели провести торжественное открытие Аларского дацана, но его служители столкнулись с непредвиденными трудностями. Они исходили из вышеназванной «Временной инструкции...» 1890 года, согласно которой изменился статус двух прибайкальских дацанов: Кыренского (находился в 33 верстах к западу от с. Тунка, вверх по р. Иркуту, на юге Иркутской губернии) и Аларского. Их изъяли из подчинения губернатору Забайкальской области и ведения забайкальского главы ламаитов, располагавшегося в Гусиноозерском дацане, и перевели в подчинение иркутскому генерал-губернатору. Такое нововведение официально объяснялось исключительно соображениями административного свойства. Произошло отделение Забайкальской области от Иркутского генерал-губернаторства с вводом ее в состав Приамурского

Фасад здания Аларского дацана, 1890 г.

генерал-губернаторства. Вследствие этого и возникли трудности с открытием дацана, и даже, как показали дальнейшие события, сама служба в Аларском храме ставилась под сомнение. Инструкция имела целью постепенно свести на нет практику, а с ней и влияние лам в Приангарье. Такое положение вещей позволяло проще и с меньшими препятствиями проводить русификацию этнического меньшинства. Видимо, по этой причине в секретном письме канцелярии иркутского генерал-губернатора балаганскому окружному исправнику сообщалось: «Освящение Аларского дацана должно быть произведено наивозможно скрытным образом, избегая всяких многолюдных церемоний и обрядов» (4).

Дацан явно не вызывал к себе особого расположения гражданской власти и раньше. Как-то еще в 1842 году Санкт-Петербург запросил сведения по всем бурятским дацанам. Тогда в представленных материалах за подписью первого бандидо-хамболамы не оказалось достаточной информации по Кыренскому дацану, а по Аларскому дацану она вовсе отсутствовала. По-видимому, информацию о них просто придержали в губернском управлении, что было выгодно в свете отчетности по нераспространению инородческих вероисповеданий в Иркутской губернии. Ведь хотя на исходе XIX века по всем отчетам оказывалось, что Аларское ведомство все еще являлось ламайским, но, по данным православной церкви, неустанно исследовавшей вопрос верова-

ния в Иркутской губернии, в нем давно уже половина населения состояла из крещеных иноверцев, число которых с каждым годом возрастало. Большая часть остальных бурят считали себя приверженцами шаманизма (5), да и те не прочь были стать православными. В 1871 году 288 аларских шаманистов обратились с жалобой на имя архиепископа Иркутского и Нерчинского на то, что их тайша Матханов не позволял им принять христианство (6).

Когда готовилась «Временная инструкция...», в числе других лиц рекомендации к ней давал архиепископ Вениамин, состоявший в частной переписке с обер-прокурором Св. синода К.П. Победоносцевым. В одном из писем обер-прокурору владыка ратовал за отмену звания бандидо-хамбо-ламы, как якобы равного статусу архиепископа. И пока Вениамин был жив, он всячески препятствовал широкой деятельности главного ламы бурят. Поэтому не случайно, когда потребовалось освящать вновь выстроенный Аларский дацан, что должен был делать первенствующий бандидо-хамбо-лама Восточной Сибири, зная об отношении православной церкви к ламаизму, в Иркутске власть не спешила дать разрешение на приезд главного ламы в Прибайкалье. Отказ затянулся на несколько лет. Однако инструкция 1890 года не содержала запрета бандидо-хамбо-ламе посещать дацаны Иркутской губернии, чем, собственно, и воспользовались бурятские ламаисты. Они стали жаловаться в Департамент духовных дел в Санкт-Петербурге на министра внутренних дел И.Н. Дурново за приостановку исполнения разрешения въезда хамбы-ламы в Балаганский уезд. Стоит, кстати, сказать, что уже после разрешения открыть первенствующему ламе Аларский дацан иркутский генерал-губернатор А.Д. Горемыкин внес предложение комитету министров дополнить инструкцию воспрещением забайкальскому первенствующему ламе посещать единоверцев Иркутской губернии. Новый министр внутренних дел в своем конфиденциальном письме генерал-губернатору Иркутской губернии не нашел достаточных оснований для «изъятия ламаистов Иркутской губернии из ведения Забайкальского Главного ламы и тамошней администрации» (7).

Также затянулась доставка в дацан четырех священных молитвенных книг, весьма необходимых для так называемого знака Ганжур. Ганжур — это культовый предмет, помещаемый в купольную часть дацана. В него клали отдельные листы (копии) молитв, подобно тому, как в наружное яблоко под корабликом адмиралтейского шпиля были положены на хранение чертежи Санкт-Петербургской верфи. Как отмечали ламы, по канонам ламаизма невозможно было проводить освящение храма без этого знака, как и без четырех недостающих священных книг. Некоторые выпи-

санные из-за границы книги задержали до особого распоряжения на Иркутской таможне. Ламы стали искать выход из сложившейся ситуации. Вскоре выяснилось, что три из необходимых для освящения храма книг имеются в ближайшем к Аларскому Кыренском дацане. Четвертой же книги — «Бадма-Самбабый-танык дэнга» — не было даже в Гусиноозерском дацане. Правда, там считали, что в интересах дела вполне возможно совершить открытие дацана без нее. Вместе с тем, видимо, по причине запрета въезда бандидо-хамбо-ламы в Аларь ламы всячески хитрили и оттягивали обряд освящения дацана.

Наконец 18 сентября 1894 года все необходимые священные книги были доставлены в Аларский дацан. Среди них «Шунгин-Ном» — книга буддийских молитв. Теперь нужно было совершить обряд положения книг в Ганжур. Балаганский окружной исправник так описывает этот обряд: «Книги-свитки, в форме цилиндров — вышиною от одного до четырех вершков (вершок равен 4,45 см. — А. Ш.) и диаметром от $\frac{1}{4}$ до $2\frac{1}{2}$ вершков, находились во вновь выстроенном дацане на столе, кроме сего были приготовлены — картонный футляр в форме конуса и ящик с порошком из какой-то пахучей травы коричневого цвета. Укладку книг производил ширетуй дацана с двумя ховараками; на четырехгранную деревян-

Аларский дацан, не позже 1902 г.

ную палку, на которой отпечатаны молитвы, навязывались упомянутые выше книги-цилиндры шелковыми тряпицами при чтении молитв, и когда вся палка была покрыта, то таковую завернули в кусок шелковой материи и положили в конус-футляр. Пустое пространство, оставшееся в футляре не занятым палкою с навязанными на ней книгами, засыпалось помянутым выше порошком, а равно и оставшимися не привязанными книгами-цилиндрами. Наполненный таким образом футляр поднят был наверх дацана, т. е. на верхнюю крышу, установлен вертикально на приготовленное заранее место и покрыт медным колпаком, вроде купола, имеющим форму вазы» (8).

Прошло еще четыре года, прежде чем в конце июля 1898 года, т. е. через пять лет после постройки, состоялось освящение Аларского дацана. Несколько дней длились молебствования при участии бандидо-хамбо-ламы Урелтуева. Вечером, накануне церемониала, хамбо-лама отслужил молебен с бескровным жертвоприношением, при котором жгли разные травы и черешки тальника, поливая на огонь маслом. В этом обряде, несомненно, усматривалось влияние шаманизма. Затем верующие угощались кашей. 28 июля, в последний день праздника, был отслужен молебен за здоровье императора и членов императорского двора. В заключение были устроены народные гулянья с традиционными спортивными состязаниями с участием борцов и с конными скачками. Победителям вручили денежные премии. В тот же день хамбо-лама, сопровождаемый местным миссионером священником Затопляевым, осмотрел православную церковь. На празднике в Хигинском улусе побывало около 3 тысяч человек, среди которых было много русских. Очевидцы отметили внимание хамбы-ламы к дамам, для которых в дацане были установлены скамейки. Первенствующий лама службу проводил на тибетском языке, но общался с народом по-русски (9).

С возобновлением службы в Аларском дацане его духовенство, как, впрочем, и ламы Кыренского дацана, постоянно ощущали ограниченность своих действий и недостаток в кадрах. По новой инструкции штатный лама не вправе был покинуть территорию дацана без специального на то разрешения канцелярии генерал-губернатора. Следовательно, посвящение в ламское достоинство, скажем, в ученую степень гелунга или гыцула, ранее проводимое в главном Гусиноозерском дацане, стало невозможным. Подобная реорганизация управления двумя прибайкальскими дацанами уменьшала влияние власти хамбо-ламы в этом регионе, сделала практически невозможным духовное общение с единоверцами Забайкалья и Монголии. Далее им было отказано в праве свободно распоряжаться денежными средствами. Весь

контроль над денежным передвижением перешел канцелярии генерал-губернатора, где и хранились в несгораемом шкафу банковские сберегательные книжки двух дацанов. Излишняя опека над деятельностью дацанов затрудняла переписку, возможность приобретать специальную литературу и предметы культа. Все это даже вызвало религиозное недовольство в массах, как тогда писали — «фанатическое брожение среди ламаистов» (10). Впрочем, оно скоро утихло.

В 1892 году ширетуй Кыренского дацана Вампалов был уволен по старости в отставку. Должность ширетуя долго оставалась вакантной, пока ее не занял лама-гелунга того же дацана. В результате этого в двух дацанах остался лишь один гелунга, что затрудняло перемещение кандидатов на духовные должности. Чтобы возвести послушника в ламское достоинство, необходимо было проводить собрание при участии не менее пяти лам. Но и на такое мероприятие лам стало не хватать. Назначенный после У. Дымшеева ширетуй Аларского дацана Нанзан Гармаев пытался изменить ситуацию к лучшему и ходатайствовал перед канцелярией иркутского генерал-губернатора о том, чтобы дали разрешение на перевод из Забайкалья в его дацан нескольких лам-гелунгов по представлению бандидо-хамбо-ламы. Но его ходатайства отклонялись чиновниками, ссылавшимися на параграф 7 инструкции, запрещавший подобные действия. Между тем в религиозно-обрядовой жизни буддистов имелись праздники, которые должны были проводиться в течение длительного времени. К ним относился обряд Яр-Хайла продолжительностью в 45 дней. Обряд Соджон буддисты совершали три раза в месяц. На основании священного для буддистов закона эти обряды должны были совершаться при наличии в дацане не менее четырех лам-гелунгов. По причине же малочисленности лам в Аларском дацане они не проводились там 20 лет.

Итак, исходя из инструкции 1890 года, число лам в двух дацанах сократилось: в Аларском дацане до 18, в Кыренском — до 7 лам. В Департаменте духовных дел считали возможным ограничить подготовку лам до шести учеников по каждому дацану. Из-за того что хамбо-лама не мог назначать и смещать в этих дацанах ширетуев с должности, под угрозой оказывалось традиционное право преемственности (11). К 1911 году штат Аларского дацана состоял из пяти лам. В послужном списке Аларского дацана числились: ховарак Будей Манзанов — 61 года, хоть и владевший тибетским и монгольским языками, но в духовное звание не посвященный; бандий Данзан-Нима Васильев — 46 лет, возведенный в степень бандия и гыцул-ламы, но свидетельства на это звание не имевший; гыцул-лама Джамнин Шопхоев — 87 лет; гыцул-лама Дамбэ Доржеев —

50 лет; упомянутый ширетуй Нанзан Гармаев — 55 лет, выходец из казачьего Забайкальского войска Кяхтинского округа, награжденный медалью в память императора Александра III (12). Ограниченное число штатных лам не помешало им летом 1914 года ударами медных дисков известить окрестных жителей о столетнем юбилее дацана (13). Ламы вели летоисчисление дацана с периода появления в Хигинском улусе походного шатра, приспособленного для моления. К началу 1917 года штатные и нештатные ламы отмечали: «... утверждение в штатную должность генерал-губернатором было сопряжено с величайшими трудностями, достаточно указать на то, что эта система довела до того, что в настоящее время в Аларском дацане по списку числится единственный лама, Гармаев», он же ширетуй. Вот почему с отменой Временным правительством всякого рода ограничений на свободу вероисповедания ламы согласны были управляться по прежнему Положению о ламском духовенстве от 1853 года, т. е. вернуться к подчинению забайкальскому бандидо-хамбо-ламе, пока не будет разработано очередное переустройство ламского быта (14).

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Ламаизм в Забайкалье на государственном уровне был признан религией бурят в 1741 г.
2. ИМБИТ БНЦ СО РАН (г. Улан-Удэ). Отдел памятников письменности Востока. Ф. 14. Оп. 1. Д. 2. Л. 7/17.
3. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 25. Оп. 10. К. 1012. Д. 657. Л. 24–24 об., 27, 34, 73.
4. Там же. Л. 151–151 об.
5. Там же. Л. 49–49 об.
6. Янгель Т.Я. Конфессиональный фактор в жизни сибирского общества (на примерах Иркутской духовной консистории 2-я пол. XIX–XX вв.) // Сибирь: веки истории: тезисы докладов и сообщений научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. Ф.А. Кудрявцева. Иркутск, 1999. С. 4.
7. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К. 1012. Д. 657. Л. 162, 164.
8. Там же. Л. 101–102, 109–109 об.
9. Там же. Л. 173–174 об.
10. Там же. К. 1009. Д. 618. Л. 33–34 об.
11. Там же. К. 1012. Д. 657. Л. 140–143 об.
12. Там же. К. 1001. Д. 379. Л. 17, 21–31.
13. Иркутские епархиальные ведомости. 1915. 1 июня (№ 11). С. 106–107.
14. ГАИО. Ф. 25. Оп. 10. К. 1009. Д. 618. Л. 66–66 об.